

ОБЗОРЫ

УДК 343.81

Ю. А. Реент

НОВЫЙ ШАГ В РАЗРАБОТКЕ ИСТОРИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ СИБИРИ

Краткий обзор монографии Е. Г. Михеенкова и В. Н. Уйманова «Пенитенциарная система Томской губернии 1879 – середины 1930-х гг.: Историко-правовые аспекты». Томск: Изд-во ТГПУ, 2012. 277 с.

Недавно в поле нашего внимания попала только изданная монография двух сибирских исследователей, освещающая, как отмечено в предисловии, «особенности становления и развития пенитенциарной системы Томской губернии, изменение социально-правового статуса сотрудников пенитенциарного ведомства, специфику отбывания наказаний в виде лишения свободы в Томской губернии и на территории Западной Сибири в 1879–1930-х годах». Знакомство с книгой было определено двумя обстоятельствами. С одной стороны, ко мне обратились с просьбой высказать мнение об этой публикации. Но так случилось, что прежде довелось ознакомиться с рядом предыдущих трудов названных авторов.

Поводом для этого стала полемика на страницах «живого журнала» одного из интернет-сайтов по поводу статьи Е. Г. Михеенкова «Численность и состав заключенных на территории Западной Сибири в годы Гражданской войны (1918–1919 гг.)», опубликованной в Вестнике Томского государственного педагогического университета (Вып. 9 за 2012 г.). Блогеры в форме, далекой от академического стиля, «высказывали сомнения» по поводу ряда положений, приводимых в статье. Мне лично импонировал развернутый ответ Е. Г. Михеенкова, раскрывающий его взгляд на пенитенциарную систему, сформированную правительством адмирала Колчака. Даже невзирая на то, что спорные моменты там все же имели место.

Перечисленные события подхлестнули профессиональное любопытство, и я решил познакомиться с предшествующими работами авторов рецензируемой монографии. Замечу, что кандидат исторических наук, доцент Егор Геннадьевич Михеенков достаточно известен в научных кругах, специализирующихся на истории уголовно-исполнительной системы, поскольку является старшим научным сотрудником одного из вузов ФСИН России и регулярно публикуется в ведомственных изданиях. Среди его работ можно назвать: «Прогрессивная система отбывания лишения свободы несовершеннолетними в России: история и современность»

(Томск, 2008); «Социально-правовое положение руководящего (управленческого) состава пенитенциарной системы на территории Западной Сибири в годы гражданской войны...» и др. Все это, с научной точки зрения, добротные и глубокие исследования.

Творческий портрет В. Н. Уйманова для меня был менее определен. Но знакомство с авторефератом кандидатской диссертации на тему «Массовые репрессии в западной Сибири в конце 20-х – начале 50-х гг.» (Томск, 1995) внесло ясность. Подготовленные на этом материале монографии «Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов)» (Томск, 1995) и «Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.)» (Томск, 2011) подтвердили неслучайность избранной им научной проблематики.

Итак, представленная на рецензирование монография является исследованием выстраданным, плодом долгих поисков и размышлений. Структурно она состоит из пяти глав: три главы по два параграфа, последние две главы – по три параграфа. Период 1879 по 1919 год (три главы) освещены Е. Г. Михеенковым, период с 1920 по середину 1930 гг. разрабатывал В. Н. Уйманов. Хочется отметить, что рецензируемый труд вносит существенный вклад в отечественную историческую и историко-правовую науку. В нем не только введен в научный оборот большой фактический материал, значение которого трудно переоценить, но и освещены проблемы, которые в данной постановке и объеме никем не рассматривались.

В настоящее время, пожалуй, наиболее цитируемым документом является Концепция реформирования УИС России до 2020 г., утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р. Если кратко выразить его суть, то все можно свести к программе перехода от колониальной системы исполнения наказаний к тюремной. И здесь, как нигде лучше, подходит поговорка, что новое – это хорошо забытое старое. Действительно, пенитенциарная система Российской империи – яркий пример тюремного ведомства. К на-

чалу XX в. в нашем Отечестве насчитывалось 895 тюрем, сегодня – только 7! Но уже в течение десятилетия они вновь станут основным видом учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы. На наш взгляд, для того, чтобы осознанно восстановить тюремное ведомство, важно разобраться в причинах его предыдущего разрушения. Хотя бы для того, чтобы не повторять ошибок прошлого.

Авторы монографии в первой главе неоднократно обращаются к данной проблеме. Из оценок текста Уголовного Уложения 1903 г. они подводят читателя к мысли о преимуществах наличия широкой «лестницы наказаний». То есть тюрьма не должна быть всепоглощающей формой воздействия на преступников. Отчасти это объясняется сложностью создания громоздкой сети социальных учреждений, «требующих чрезмерных расходов» (с. 40). Отдельно подчеркнута, что «нежизнеспособность одиночной системы заключения была доказана на практике» (там же). К серьезным недоработкам уголовного законодательства самодержавной России отнесено и отсутствие норм, определяющих «цели и задачи наказания, – прежде всего лишения свободы» (с. 43).

Из контекста исследования следует, что Томская губерния в Российской империи, по сути, являлась тюремным краем. Учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, построили так много и были они далеко не малыми. Так, губернская пересыльная тюрьма изначально рассчитана на 1000 заключенных, а исправительно-арестантское отделение № 1 – до 1070 осужденных. Только в самом Томске, например, в 1912 г. содержалось 5720 арестантов. Помимо того, через территорию губернии проходили маршруты 10 пересыльных этапов (с. 25–26, 40). Все это, безусловно, откладывало отпечаток на социально-экономические и чисто бытовые аспекты взаимоотношений населения края.

Собственно, раскрытию социально-правового положения сотрудников пенитенциарных учреждений Томской губернии всецело посвящена вторая глава книги. Нелишним будет повторить приведенную в монографии мысль, что даже к началу неспокойного 1917 г. положение управленческого состава пенитенциарной системы находилось «в достаточно комфортных материальных условиях» (с. 66). Здесь очень подробно раскрыты все выплаты и льготы для разных категорий тюремного персонала. Единственным следствием Февральской революции в регионах стало ухудшение материального положения всех слоев общества. Служащие пенитенциарных учреждений не стали исключением. Положенные им пайковые и квартирные деньги обесценивались инфляцией, беспрецедентным ростом цен на продукты питания и аренду жилья.

Октябрьская революция 1917 г., свержение Советской власти и установление военно-диктаторского режима адмирала Колчака не могли позитивно сказаться на пенитенциарной системе региона. Как утверждают авторы, «в связи с тяжестью и непрестижностью службы, крайне небольшим денежным довольствием» желающих служить в тюремном ведомстве не так уж много (с. 93). Поэтому комплект персонала по сибирскому региону достигал 50 % (с. 95). Впрочем материалы исследования подтверждают, что Советскому правительству с конца 1919 г. удалось, пусть и далеко не в полной мере, но все же в целом решить проблему кадров и социально-материального обеспечения «чинов тюремной администрации» (с. 98).

Вместе с весьма позитивными ощущениями от знакомства с монографией остается недопонимание общей логики авторов исследования. Напомним, что вторая глава охватывает период с 1895 по 1919 год. И ее проблематика не повторяется в других главах. Возникает закономерный вопрос: а почему не раскрывается проблема на примерах 20–30-х годов? Ведь заглавие книги обещает нам это! Или еще. В той же главе интересно и достаточно полно раскрыто социально-правовое положение сотрудников пенитенциарных учреждений Томской губернии. Но отчего практически полностью упущены из виду аналогичные вопросы в отношении заключенных в местах лишения свободы? В конце концов, это для них строят тюрьмы, а не в целях трудоустройства персонала.

Третья глава, на наш взгляд, наиболее насыщена материалами, недостаточно изученными в научном сообществе. Уголовно-исполнительная политика и практика Временного правительства стала предметом исследования лишь в постсоветский период, а карательная политика «белых» режимов Сибири зачастую оценивалась излишне прямолинейно и политически ангажировано. Авторам монографии удалось высказать свой взгляд на данную проблему. И что особенно важно, они ввели в научный оборот значительное число ранее не используемых архивных документов. Итогом этой работы стали выводы о том, что на протяжении 1918–1919 гг. пенитенциарная система Томской губернии в значительной мере характеризовалась учреждениями и методами работы, носящим чрезвычайный характер (с. 140).

Четвертая глава книги призвана оценить деятельность и состояние советской пенитенциарной системы в 20–30-е гг. прошлого века на примере учреждений Томской губернии. Признаюсь, от прочтения первого параграфа сложилось убеждение, что там идет речь все же об обстановке в местах заключения в целом по стране. Так, например, в первом параграфе хотя бы косвенно о пенитенци-

арных учреждениях Западной Сибири упомянуто только три раза: второй абзац с. 142, нижние абзацы с. 145 и с. 151.

К счастью, параграфы 2 и 3 компенсируют этот недостаток. Более того, в отличие от предыдущих трех глав здесь впервые и достаточно подробно освещены вопросы, связанные с социальной принадлежностью, режимом и условиями содержания различных категорий заключенных. Отдельные из приводимых количественных характеристик по Томской губернии можно сравнивать с аналогичными в ряде других губерний Западной и Центральной Сибири (с. 173–174). В частности, параграф 3 на примере подразделений Сиблага иллюстрирует характер реализации заданий партии и правительства по строительству лагерей «с колонизацией мест и с железной дисциплиной» (с. 203).

Недаром говорят, что и на Солнце есть пятна. Очевидно, и любое исследование не избежит недостатков. Мы не склонны преувеличивать их значение в рецензируемой работе, но назвать их все же должны. К аспектам, вызывающим сомнение, следует отнести не вполне понятное хронологическое деление проблемы. С одной стороны, охвачены две социально-политические эпохи: закат самодержавия и становление советского строя. Отдельно упоминается период деятельности Временного правительства и белогвардейского правительства Колчака. С другой стороны, не наблюдается их взаимосвязи, анализа их противоречий или, напротив, общих закономерностей.

Нижняя граница исследования вполне понятна и логична: 1879 г. – не только время создания Главного тюремного управления как руководящей структуры пенитенциарной системы России. Это и начало ее первой существенной реформы. Верхняя граница – не вполне аргументирована. Интуитивно догадываешься, что она как-то связана с образованием в 1934 г. НКВД СССР и передачей в состав ГУЛАГа общих мест лишения свободы Наркомюста. Но системных причин в работе не указано.

Скажем прямо, что к первой главе тематически ожидаемо было отнести и первый параграф второй главы. В таком случае сформировался бы вполне самодостаточный блок материалов о тюремной системе Российской империи. Второй параграф во второй главе воспринимается инородным образованием, поскольку речь в нем идет о 1918–1919 гг., что тематически и хронологически соответствует третьей главе (1917–1919 гг.). То, что нарушенная структурная градация – полбеда, но вследствие этого утеряны и логические связи, и границы между разными историческими и правовыми эпохами.

Любое соавторство – вещь тонкая. Очень редко совпадает стиль изложения авторов. Для устранения этого недостатка можно было бы подключить

опытного редактора. Но не всегда и это помогает, особенно если у авторов разные оценки проблемы.

В нашем случае Е. Г. Михеенков сосредоточил внимание на исследовании мест лишения свободы Томского региона. В. Н. Уйманов же этой проблеме посвятил четвертую главу. Пятая глава названа так: «Система вынесения приговоров и наказания, ее изменение в связи с ужесточением политики государства», что имеет отношение не к исполнению, а к назначению наказаний. Уточним, первые два параграфа последней главы по своей сути не соответствуют объекту исследования. Законодательство, судебная и милицейская (полицейская) система, как и пенитенциарная, входят в правоохранительный блок, но не подменяют последнюю из названных выше составных частей. К тому же по объему они слишком малы: параграф 5.1 содержит 7,5 страниц, параграф 5.2 – 13 страниц плюс 7,5 страниц таблиц, которые лучше было бы вынести в приложение.

К сожалению, внутренняя связь между текстами двух авторов в данной монографии оказалась сугубо механической, а не генетической. Тем не менее это еще не повод «посыпать голову пеплом». Подчеркнем, что книга все-таки состоялась. И не в том смысле, что просто издана, а в том, что она достигла большинства из намеченных авторами целей. Монография, безусловно, приоткрыла новые или малоизученные страницы в истории становления и развития тюремной и исправительно-трудоустройственной систем Западной Сибири.

Как нам представляется, благодаря введенным в научный оборот материалам архивных и следственных дел, местных нормативно-правовых документов авторам удалось раскрыть процесс массовых репрессий, систему и механизмы действий аппарата мест лишения свободы. Все это позволяет точнее понять и существенно расширить восприятие деятельности региональных элементов репрессивной машины как в период самодержавия, колчаковской диктатуры, так и начала «большого террора» сталинизма.

Представленная вниманию читателей книга является одним из немногих примеров исследования пенитенциарной системы крупного региона Сибири как социально-экономического и политико-правового феномена при разном общественно-политическом государственном устройстве. В монографии изложены не только многочисленные исторические факты, но и проанализированы правовые основы репрессивной политики, исследованы причины создания и деятельности учреждений карательной системы Западной Сибири на протяжении последней трети XIX и первой трети XX в.

Есть уверенность, что монография способна вызвать интерес как у историков, юристов, политоло-

логов, так и у более широкого круга читателей. Более того, после ознакомления с материалами книги Е. Г. Михеенкова и В. Н. Уйманова «Пенитенциарная система Томской губернии 1879 – середина

1930-х гг.: Историко-правовые аспекты» принято решение о внедрении их в учебный процесс Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.

Реент Ю. А., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры.

ФКОУ ВПО «Академия права и управления ФСИН России».

Ул. Сенная, 1, Рязань, Россия, 390036.

E-mail: reent2@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 01.04.2013.

Y. A. Reent

A NEW STEP IN THE DEVELOPMENT OF HISTORY OF CRIMINAL AND EXECUTIVE SYSTEM OF SIBERIA

The article presents a short review of the monograph by E. G. Mikheenkov and V. N. Uymanova “Penal system of Tomsk province 1879 middle of the 1930th: Historical and legal aspects”. Tomsk: TSPU publishing house, 2012. 277 pages.

FKOU VPO “Academy of Law and Management of FSIN of Russia”.

Ul. Sennaya, 1, Ryazan, Russia, 390036.

E-mail: reent2@yandex.ru